

Влияние в мире глобализации

Что может сделать Франция

Николя Тенцер

Недавно Франция вновь подтвердила стремление оставаться державой, которая способна влиять на мировую политику. Между тем многие сомневаются в обоснованности подобных амбиций вследствие нежелания Парижа вкладывать необходимые средства и, хуже того, его неумения выстраивать правильную стратегию. Тема грозит остаться нераскрытой, если мы ограничимся дежурными фразами официальных лиц, которым по должности положено рассеивать сомнения скептиков. Прежде чем определить способы и инструменты политики влияния, необходимо установить глубину изменений, коснувшихся характера этой политики, а также определить, какие страны в состоянии ее проводить. При этом наш анализ не должен искажать смысла понятия «влияние», которое часто употребляют недостаточно определенно и точно.

О ХАРАКТЕРЕ ВЛИЯНИЯ

В наши дни понятие «влияние» определяется четырьмя составляющими.

Во-первых, для чего вообще оказывать влияние? Такие мотивы, как просто слава или престиж, уже не могут рассматриваться всерьез. Всегда есть какая-то цель, и ее следует точно установить. Она может быть дипломатической – принудить другую державу вести себя определенным образом, подписать нужный договорный документ, вступить в союз, участво-

---

Николя Тенцер – председатель общества «Инициатива развития французской экспертизы в мире и Европе» (*IDEFIE*), главный редактор журнала *Le Vanquet*, автор трех официальных докладов правительству, два из которых посвящены международной стратегии, и 21 монографии, среди которых «Когда Франция исчезнет с карты мира» (Париж: изд-во *Grasset*, 2008), «Мир к 2030 году. Система и беспорядок» (Париж: изд-во *Perrin*, 2011), «Франция. Конец невзгодам?» (Париж: изд-во *Stock*, 2011) и «Франция нуждается в партнерах» (Париж: изд-во *Plon*, 2012).

вать в военной операции. Может быть экономической – убедить страну «икс» или какое-то предприятие приобрести некий продукт или открыть доступ на свой рынок. Или интеллектуальной – склонить страну «игрек» принять некий принцип и т.д. Иначе говоря, не существует политики влияния без «военных целей» и без стратегии. Стало быть, такую политику можно проанализировать и оценить.

Второй аспект – каковы объекты влияния. Разумеется, речь может идти о правительстве, но все больше и больше приходится иметь дело с парламентами, политическими силами, лидерами общественного мнения или же непосредственно с общественным мнением, участниками экономической жизни, юристами и пр. Естественно, каждой цели соответствует своя стратегия, свои средства и аргументы. Чтобы достичь желаемого, очень часто приходится преследовать одновременно несколько таких целей. Подобное понимание процесса, конечно, исключает недифференцированное «распространение» политики влияния.

В-третьих, необходимо учитывать фактор времени, отличать краткосрочную перспективу от среднесрочной и долгосрочной. В рамках краткосрочной перспективы допустимо, например, стараться повлиять на исход переговоров. Компромисса часто удается добиться лишь в последнюю минуту, и поэтому приходится осуществлять и политику влияния с помощью постоянного нажима и давления. В среднесрочной перспективе можно применить стратегию, предполагающую постепенное сближение позиций, поскольку известно, что решения иногда созревают медленно. Существует также методика долгосрочного влияния, которая заключается в том, чтобы на годы вперед «внедрить» в чужой стране положительный образ государства – или даже продукта и идеи – с целью завоевать доверие и в конечном счете добиться единения. Так, например, рождается ощущение прочного союза, общих базовых интересов и даже устойчивого имиджа. Вместе с тем среднесрочная перспектива зависит от долгосрочной, а краткосрочная – от среднесрочной. Добиться доверия другого государства и союза с ним в среднесрочной перспективе намного легче, если предварительно проделана работа на долгосрочном уровне, а достичь сильной позиции на переговорах – если удалось заранее сблизить позиции на уровне среднесрочном.

Четвертая составляющая связана с вектором влияния. Если мы согласны с тем, что влияние имеет иную природу, чем сила, давление и шантаж, надо признать, что оно должно быть скорее прямым, нежели идущим окольными путями. Оно продолжает распространяться через министерства, но все больше и больше через идеи и даже через завоевание новых рынков. Иными словами, влияние распространяется благодаря интеллектуалам, юристам, лидерам

общественного мнения, а также благодаря незаметной, подспудной работе инстанций, которые формируют международные нормы и рекомендации.

ПЕРЕМНЫ В ПОЛИТИКЕ ВЛИЯНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация повлекла за собой многочисленные изменения, затронувшие способы передачи влияния, сферы, которые оно затрагивает, и даже непосредственно его составляющие. Кроме того, оно трансформировалось под воздействием неуклонного роста рынков и сумм, инвестированных в опытно-конструкторские работы, особенно в растущих державах – развивающихся странах со средним уровнем дохода. Формы влияния умножились, стали трудноуловимыми, но приобрели больший вес, значительно расширив маршруты распространения.

Сегодня политика влияния реализуется в условиях всеобщего недоверия. Проведение своей линии требует более стройной системы аргументов, чем раньше, и более тонкой пропаганды. Сейчас влияние в меньшей степени передается через двусторонние действия политического характера. Оно осуществляется – в контексте взаимоотношений двух государств – через обмен идеями и программы сотрудничества, а на многостороннем уровне – через действия международных организаций, все чаще выполняющих роль посредников, ответственных за все, что касается принципов, философии развития, норм права, технических стандартов и даже идейных ценностей.

Таким образом, это влияние распространяется на различные коллегиальные органы и одновременно на экспертные группы, состоящие при международных организациях. Оно передается через научные центры, продукцию которых впитывают ведущие представители общественной мысли, и через международные конференции, зачастую носящие формальный характер и ничего не решающие, но вместе с тем вырабатывающие идеи, с которыми трудно не согласиться официально. Не будем забывать и о мировых СМИ, вносящих вклад в формирование «доктрины» правительств: поскольку все их читают, они представляют собой мощные структуры (иногда идеологические) распространения идей.

Следовательно, меняются и составляющие политики влияния. Необходимость четче определить стратегию Франции ощущается тем сильнее, что большинство игроков на мировой сцене свои стратегии уже сформулировали. Больше нельзя игнорировать вопрос «для чего» и довольствоваться общей, неопределенной позицией. Вопрос «кто» также по необходимости приобретает большее значение, потому что влияние редко оказывается прочным, если субъект влияния лишь один, особенно когда речь идет о пра-

вительстве. Возрастает роль фактора времени и длительности отношений: в условиях, когда большинство держав ввело в действие долгосрочные программы, все опаснее полагаться на возможность вмешаться в последнюю минуту. И наконец, сама стратегия влияния должна быть игрой на несколько фронтов; лишь в редких случаях можно довольствоваться только дипломатическими действиями, простой игрой мысли или же исключительно торговой политикой.

Рост мировых рынков вот уже десять лет продолжает дестабилизировать ситуацию. Вероятнее всего, такое положение дел сохранится в следующие полтора-два десятилетия. Рост способствует также повышению ставок в конкуренции между державами. Приведем лишь один пример: он касается рынков экспертизы, иначе говоря, тендеров, устраиваемых международными донорами (Мировым банком и банками по развитию, Программой развития ООН, Еврокомиссией и т.д.), а также самими государствами, особенно развивающимися, крупными административно-территориальными образованиями и агентствами по оказанию финансовой поддержки. На конкурсной основе решаются столь разные вопросы, как городское развитие, борьба с изменением климата, развитие туризма, реформа государства, развитие финансового сектора, а также малого и среднего бизнеса, юстиции, полиции и т.д. Общая сумма конкурсов, проведенных за последние пять лет, составила более 600 млрд долл., а рынки инфраструктур и материальных ресурсов, зависящие от этих тендеров, – более 30 трлн долларов. Кроме того что данные программы способствуют структурированию развития соответствующих стран и определению будущих рынков, а также оказывают самое непосредственное воздействие на рост и престиж государств, которым удается продавать свои услуги в области экспертизы, они играют и нормотворческую роль. Те, кому удастся завоевать несколько рынков такого типа, и больше того, наладить обмен идеями об этих проектах в научных центрах и специализированных международных СМИ, в результате будут определять нормы, правила, стандарты, т.н. «лучшую практику». Никакая стратегия влияния не может обойти молчанием этот аспект, чрезвычайно важный для дипломатической, экономической, научной сферы и даже сферы безопасности.

За обозначенными нами переменами в политике влияния предстает оригинальная схема, суть которой не так просто определить. Мы имеем дело со своеобразной многоуровневой системой, в которой переплетаются экономическая, политическая и интеллектуальная области влияния и где даже традиционное двустороннее влияние частично передается через многосторонние каналы. Разумеется, упомянутые области влияния активно соперничают друг с другом, поскольку такие соображения, как экономическая мощь

государства, доступ на рынки и к редким ресурсам, становятся определяющими, когда речь идет о средствах и целях дипломатии. Поэтому совершенно естественно, что мы наблюдаем появление на мировой арене большого числа новых субъектов влияния.

НОВЫЕ СУБЪЕКТЫ ВЛИЯНИЯ

Вплоть до Второй мировой войны главным субъектом влияния была, по существу, государственная власть, в основном министерства иностранных дел и службы разведки. Хотя уже тогда имелось некоторое количество многонациональных сообществ, которые пеклись о защите торговых интересов и проводили собственную дипломатическую стратегию, не оставлявшую равнодушными правительства ряда государств. Немного упрощая, можно сказать, что во время холодной войны к существующим субъектам влияния и в советском лагере, и в свободном мире прибавились органы пропаганды (наиболее узнаваемые – радиостанции «Свобода»/«Свободная Европа» и «Голос Америки»). Постепенно в игру вступала и третья сила, представленная государствами, сохранившими нейтралитет, или участниками антиколониального движения. Их присутствие ощущалось и через распространение и восприятие соответствующих идей в глобальном масштабе, и через отклик, который они нашли в интеллектуальном сообществе.

В последние 20 лет можно наблюдать невероятный рост и диверсификацию субъектов влияния, а также изменение характера столкновений между ними: на смену прямым и главным образом бинарным конфликтам приходят менее явные и простые. Конечно, главными субъектами влияния продолжают оставаться государства, и какое бы воздействие ни испытывали они сами, у них имеется собственная стратегия, с которой должны считаться другие, точнее говоря, в которую другие должны вписываться. Как известно, существенную роль начинает играть бизнес, однако это утверждение необходимо уточнить. Речь не только о крупнейших мировых компаниях, рассматривающих политику влияния как некий ключ, с помощью которого можно открыть доступ к интересующим их рынкам. Они действуют соответствующими средствами, включая лоббирование, распространение дезинформации о конкурентах, создание честными или не очень честными путями разветвленной сети влияния. Но существуют и различные субъекты влияния, которые действуют сообща. Когда юридическая фирма или консалтинговая компания продвигает и отстаивает какую-то правовую норму, или учетный стандарт, или стандарты т.н. «лучшей практики» менеджмента, она старается не только ради собственного блага, но также для представительных других профессий, являющихся ее клиентами. Например, влияние, осу-

ществляемое в правовой сфере Американской ассоциацией юристов (ABA), которая пропагандирует не только принципы общего права (*Common Law*), но и некоторые связанные с ним нормы, касается защиты интересов как адвокатов из англоязычных стран, так и многих других специалистов. Впрочем, не случайно, что Ассоциация близка и к органам государственной власти США, и в то же время к команде профессионалов и консультантов, работающих в стратегических секторах международных организаций. Все эти отраслевые органы влияния, степень вмешательства которых простирается намного дальше традиционного лоббирования, становятся главными субъектами описываемой нами политики.

К числу новых субъектов влияния нужно, несомненно, прибавить экспертов, представляющих любые профессии, – действуют ли они на местном уровне или в лоне международных организаций. Присовокупим к ним «интеллектуалов» (если только можно отделить их от вышеупомянутой категории), специализирующихся в столь разных областях, как экономика, международная политика, безопасность, здравоохранение, политика реконструкции и борьба с бедностью. Они трудятся в университетах, имеющих международный статус, и в крупных научных центрах. Отличаясь высокой мобильностью, занимаясь производством программных документов (*policy papers*), выступая перед самыми разными кругами, они способны на масштабные акты влияния. Если кто-то из них и не может претендовать на роль субъекта влияния, совокупность написанных им статей плюс участие в конференциях – если все это идет в общем русле, – а в иных случаях и вклад, внесенный в развитие зарубежных научных центров, в конечном счете формирует общественное мнение и указывает, «над чем надо думать». Наверху этой пирамиды находятся те, кого мы предложили бы назвать «*jet advisers*» – группа интеллектуалов, чьими советами пользуются правительства и крупные многонациональные корпорации и чье место в мировых СМИ можно назвать привилегированным.

Если такая стратегия и не вполне самостоятельна по отношению к государству, она все же в большой степени независима. Развиваясь в лоне какой-нибудь крупной державы, в контексте ее национальных интересов, она не основывается на решении некоего всевластного и всезнающего координатора. Ею не управляет «большой брат», но именно в силу своей гибкости, в силу того, что она, так сказать, плотно охватывает области влияния, подобная стратегия обладает большей эффективностью.

ПЕРСПЕКТИВЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЛИЯНИЯ

Все эти новые реалии, затронувшие политику влияния, вынуждают Францию принять во внимание четыре императива.

Во-первых, со временем политика влияния делается все более и более дорогой – не только в плане прямых финансовых ресурсов, выделенных на нее, но и в плане мобилизации иных средств и интеллектуальных усилий. Во-вторых, политика влияния сопряжена с умением предвидеть события. Говоря конкретнее, от страны требуется способность на годы вперед создать собственный образ (неважно, соответствует ли он действительности) сильной и могущественной державы в экономическом, дипломатическом и интеллектуальном аспектах одновременно. Это можно было бы назвать глобальной конкурентоспособностью государства. Согласно третьему правилу, политика влияния должна иметь как можно больше возможных субъектов – не только публичных, но также частных и относящихся к академической среде. Наконец, надо, чтобы страна в своем подходе сочетала обладание эффективной информационной сетью с быстротой реакции, а для этого нужны организация сбора и обнародования информации и в то же время ее обобщение и распространение.

Для Франции это означает настоятельную необходимость пяти радикальных преобразований.

Первое сводится к потребности осуществлять в отношении крупнейших наций и территорий, равно как и в отношении международных организаций и в секторах, которые будут признаны приоритетными, стратегию национальных интересов. Она должна быть плодом не импровизации, а тщательной разработки. Она не может базироваться на мнении нескольких советников, но предполагает совместную работу широкого круга экспертов. Естественно, необходимо постоянство в действиях и способность проводить такую стратегию в течение долгого времени, чтобы эти действия не зависели от колебаний политического курса и перекроек бюджета. Взаимоотношения с любым иностранным государством, которые Франция считает нужным укреплять, должны стать предметом четкого и предусматривающего адекватные средства среднесрочного планирования в дипломатической, экономической, интеллектуальной сферах. Международные организации следует воспринимать как проводники ценностей, идеалов и интересов Парижа. Данный курс должен стать генератором идей, что предполагает не только инициирование предложений в официальном порядке, но и наблюдение за их подспудным и постепенным формированием в недрах упомянутых организаций. В общем, стратегия Франции призвана укреплять и двустороннюю дипломатию, средства которой редко оказываются достаточными для того, чтобы ответить на существующие вызовы, и вместе с тем – многостороннюю. В то же время требуются адаптивность и гибкость, что вынуждает следить за появлением новых конкурентов и становлением но-

вых соотношений сил. Именно для этой цели мы предлагали учредить во Франции Совет по европейскому и международному анализу, французский вариант американского Совета национальной безопасности, орган, который обладал бы достаточной широтой взгляда, чтобы сформировать проектно-аналитическую команду при субъектах влияния, отличающихся большой степенью диверсификации и не ограничивающихся органами государственной власти.

Далее. Международная политика должна стать приоритетом в стратегии страны; из этого вытекает, что, беря пример с Великобритании, Соединенных Штатов, Германии, Японии и стран с более низким статусом, Франция должна вносить в бюджетный план все расходы, связанные с ее деятельностью на мировой арене – во всех ее аспектах, включая развитие сотрудничества. В таком случае не пришлось бы жертвовать исследовательской и аналитической стороной. Способность нашей страны активно участвовать в основных международных делах представляет один из тех факторов, которые следует поставить во главу угла. Утверждение данного приоритета предполагает также необходимость привлечь различные силы страны и способствовать тому, чтобы круги, причастные к внешней политике, стали более многочисленными, видимыми и определенными.

Третье преобразование состоит, собственно, в отказе от идеи о том, что государство и, в частности, его дипломатическая служба представляют собой если не единственный, то по крайней мере существенный субъект влияния. Ни одна мировая держава не считает самыми эффективными субъектами влияния официальных лиц. Равным образом ни одна из них не оставляет без внимания то, чем заняты другие субъекты влияния, и делает все, чтобы поддержать этих последних. Франция должна подняться на более высокую ступень в плане расширения участников политики влияния.

Четвертое изменение касается собственно информации. Не будет большим преувеличением сказать, что сегодня она распространяется плохо и довольно часто теряется. Очень часто вспоминают тот факт, что Франция до сих пор располагает самым большим дипломатическим и консульским корпусом после США и с недавнего времени Китая. Если данную сеть хорошо использовать, она может служить козырем. Также нужно принимать во внимание экспертов, предпринимателей, интеллектуалов – всех тех, кто представляет собой источник информации, а потенциально может стать невероятно ценным агентом влияния. Многие французские граждане живут за рубежом, и, если найти к ним правильный подход и не пренебрегать информацией, которую они способны предоставить, можно пробудить в них патриотические настроения и чувство национального интереса. Разумеется,

всю эту информацию нужно обрабатывать в режиме реального времени, а от французского государственного сектора ожидается быстрота реакции. Для проведения подобной стратегии потребуются проактивность и решительность, которые исключают разбросанность и необдуманность действий.

И наконец, Франции следует быть открытой в двух значениях этого слова. Влиятельная держава представляет собой страну, привлекательную для ученых, исследователей, бизнесменов, креативного класса. Она должна создать для них лучшие условия; критерий качества университетов и научно-исследовательских центров – их способность привлекать выдающихся ученых из других стран, заинтересовать тех, кто завтра станут лидерами в сфере управления, в интеллектуальной среде, в бизнесе и с которыми к тому же необходимо наладить постоянный контакт. Но экспорт собственных талантов тоже не должен тревожить Францию, потому что завтра французы за рубежом станут опорой влияния нашего государства, если только она сумеет правильно организовать свое общение с ними. Все те, чья карьера – к какой бы области она ни относилась – связана с работой в двух или нескольких странах, естественно, лучше понимают другие нации, и этот фактор также служит источником влияния.